

В недавние времена доискивались: когда возникла Кола! Во всех справочниках стояла подозрительная (и оказавшаяся неверной) дата — 1264 год.

Сейчас это происходит с Кандалакшей. Щит на привокзальной площади с надписью, что она основана в XI веке, убрали. Но от исканий древнего происхождения родного селения не отказались. 10 октября сего года в «Полярной правде» опубликована очередная статья пытливого краеведа Е. Ф. Разина «Стоял «монастырь опчей». Это было в старину» (№ 196).

Старинная Кандалакша

«Меня буквально увлек век XVI, — пишет Ефим Федотович, — там пока находятся первые упоминания о северной нашей Кандалакше».

Автор обратил внимание на то, что в Книге Большому чертежу при устье реки Нивы отмечен «монастырь», тогда как на устьях Варзуги, Умбы и Ковды стояли «погосты». Это различие вызвало недоумение краеведа: почему «старинные документы не очень-то четко поясняют, что это было за поселение» в устье реки Нивы. В результате сопоставлений и размышлений Е. Ф. Разин пришел к выводу, что «монастырем» тогда назывались «дворы около храма» — «дворы богадельные под названием «кельи для нищих».

Такое утверждение автора статьи представляется мне заблуждением, которое может стать еще одним мифом в краеведении.

В конце XVI столетия, когда изготовлялся Большой чертеж (карта Российского государства), погостами назывались или небольшие русские поселения при церквях, или — у нас на Кольском Севере — лопарские поселения. В писцовых книгах и разных документах приказного делопроизводства деревня Кандалакша называлась «волостью».

В Соловецкой летописи под 1589 годом сообщается о нападении шведов: «В ночи приходили немецкие люди к морю, в Кандалакшскую волость и на монастырь на Кандалакшской. И в монастыре братию и в волости всех людей присекли, а иные в реце тонули, и монастырь и церковь и волость пожгли, и животы (имущество) поимали все, а людей побили 450 человек». Монастырь на другой год возобновился (см. очерк «Легенда о колоколе и ее истоки» в газете «Комсомолец Заполярья», вышедшей 14 апреля 1990 года, № 15). Крестьянской же волости еще несколько лет не существовало. По-видимому, она вновь появилась уже после составления Большого чертежа (при Борисе Годунове).

В писцовой книге 1608—1611 годов сказано: «В Кандалакшской губе на усть

реки Нивы над морем против Кандолошские волости за рекою на наволоке (мысу) монастырь опчей».

Странно, что слов «против Кандолошские волости» Е. Ф. Разин... не заметил: их нет в приводимой им выдержке из писцовой книги. «Все поселения того времени — погосты, а о Кандалакше в документах этой далекой поры — лишь монастырь да монастырь», — удивляется исследователь источников XVI века.

Вынесенные в заголовок статьи слова «монастырь опчей» остались необъясненными. Или, точнее, неверно объясненными. Е. Ф. Разин отнес Кандалакшский монастырь к типу «приходских монастырьков», которых, как «центров благотворительности», было немало в старой России: «Если есть церковь, если привлекала она нуждающийся люд, полагала ему, то и название поселению не погост, а монастырь».

Почему же монастырь назывался общим? Что это — совместно мужской и женский? Таких монастырей никогда не существовало. Так какой же смысл вкладывался в это понятие? Обратимся к документам. В 1575 году саксонец Генрих Штаден, проезжая через селение по пути в Колу, записал: «Кандалакша — «незащищенный посад с небольшим монастырем. Жители кормятся от моря вместе монахами и их слугами».

Кандалакшский монастырь возник в середине XVI века. Главное назначение его — поддержание и укрепление православной веры среди окрестных лопарей. Первая жалованная грамота монастырю датирована 1553/54 годом. Иван Грозный дал обители «для монастырского строения и для лопского крещения» половину местных угодий — 7¼ лука, а другую половину оставил во владении кандалакшских крестьян. После

этого несколько кандалакшан переселились к устью реки Колы, положив основание новому селению. Прочие крестьяне пользовались угодьями совместно с монахами: половина промысловой добычи шла монастырю, а другая — волости. Об этом ясно сказано в писцовой книге Алая Михалкова: прежде освоенные угодья были «вопчие у монастыря с волостью» и промышляли на них монахи «с волостными людьми вме-

и «что у них ходит монастырских 8 людей с солью на Колмогоры», с тех судов пошлин брать не велено. В грамоте Михаила Федоровича от 13 марта 1622 года определено и количество — «с продажной соли десяти тысяч пуд». Кроме того, монастырь добывал много семги и других промысловых продуктов.

Содержал ли монастырь нищих? Призрение неспособных пропитать себя и нуждающихся в уходе практиковалось постоянно. Возьмем переписную книгу 1712 года. При самом монастыре — «две келейки, а в них живут нищие» (Левка глухой и хромой, Сергушка хромой, Петрушка немой и так далее, в том числе и лопари); все они выполняют посылную работу — «тружаются в монастыре ис платья» (то есть, кроме питания, в качестве платы выдается одежда). Монастырь в это время имел пять соляных варниц — в Лувенге, Ковнице, Княжой, Широкой и Кукиной губах. Здесь отмечены «три келейки, а в них живут нищие».

Статья Е. Ф. Разина завершается вопросом: «Откуда же пошла она» — Кандалакша?

Вопрос не из легких. Выскажу свое мнение на этот счет.

Первоначально русские люди поселились на реке Канде. Летом они занимались рыболовством, а зимою солеварением. Когда окрестные леса оскудели и стало трудно заготовлять дрова для выварки соли, крестьяне покинули Канду и поселились при устье реки Нивы незадолго до основания монастыря. Погост Кандалакша упомянут в соловецкой рукописи, хранящейся в Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина под 1542 годом.

Селения по побережьям Белого моря по большей части носят названия тех рек, на которых они стоят: Ковда, Умба, Варзуга и т. д. По логике селение при устье реки Нивы должно было именоваться Нива или Усть-Нива, но не Кандалакша. Надо полагать, пришельцы с Канды считали себя кандалакшанами по названию губы (залива) Канда-лахти, что в переводе с языков финской ветви означало Кандский залив (аналог у русского населения: залив, окончность которого подходит к устью реки Онеги, называется Онежским).

Следы первоначального пребывания жителей Кандалакши на солеварнях при реке Канде сохранились в географических названиях, зафиксированных в документах XVI—начала XVII вв. В писцовой книге Алая Михалкова в перечне кандалакшских владений указаны «тона на усть Канды, речка Канда... три лука от Федосеева порожка на море берегом до Варничного наволока, Островок против (С) тефановы варницы...»

Вполне понятно желание углубить родословную своего селения, но придется признать, что начинать историю Кандалакши ранее 1526 года нет оснований.

И. УШАКОВ,
преподаватель Мурманского пед-института.